

дола, виднейших теоретиков и деятелей итальянского гуманизма XV в. Наибольшее внимание переводу сочинений Псевдо-Дионисия и комментированию их уделил Марсилий Фичино, но и Мирандола называл Псевдо-Дионисия (который был для него Дионисием Ареопагитом) «божественным человеком» и в «De Ente et Uno», пусть и с большим преувеличением, утверждал, что Дионисий Ареопагит «выше» Платона и Аристотеля.

Мы последуем за Марсилием Фичино в его комментариях на книгу Псевдо-Дионисия «О божественных именах». Опираясь на это сочинение Псевдо-Дионисия, Марсилий Фичино развивал свое гуманистическое учение.

В центре гуманистических идей и всей идеологии Возрождения стояло приятие жизни и утверждение жизни как высшего из возможных, абсолютного блага. Фичино пересказывает Дионисия: «Кроме того, не тело является причиной пороков, сосредоточенных в душе; отсюда ясно, что даже вне тела может возникнуть испорченность, как например, у демонов.

«Вот что является злом для ума и души: слабость, не способная следовать за собственным благом, и падение».³⁹

Пользуясь этим положением как отправным, Марсилий Фичино развивает следующее: «Некоторые древние называли материю злом, может быть, думая, что она — чистое зло, начало (всех) зол.

«Дионисий опровергает это так: материя мыслится как или принявшая некую форму или лишенная всякой формы; если она приняла некую форму, то она сделалась уже способной к добру; если она лишена формы, то вследствие (этого) отсутствия формы, явно не способного к действию, она ничего не может осуществить, (следовательно), не может быть названа началом зла. И она даже не может испытывать никакого зла».⁴⁰

Марсилий Фичино, вслед за Аристотелем и Дионисием Ареопагитом, значительно ограничивает платоновское определение материи как некоей пустоты, полого пространства, в котором разворачивается творящая энергия вечных идей. Он, конечно, не может признать в материи вечной сущности, первопричины всего существующего. Он ищет какую-то «среднюю» позицию в этом основном философском вопросе и находит ее в Дионисиевском толковании материи как необходимости. «Итак, — пишет Фичино, — она (материя, — А. К.) должна быть названа чем-то средним между добром и злом, а именно „необходимым“, так как природа необходимого, как и природа материи, всегда возвращается к другому, обратно к благу. Необходимое любым способом устремляется к благу, поскольку оно избирает (нечто) полезное и направленное к определенной цели. Это свойство необходимого представляется чуждым злу. Отсюда ясно, что материя — не зло, потому что самое благо устроило материю для создания как можно большего числа благ. И сама (материя) естественно и неизбежно стремится к формам добра, она, как в „Тимее“ говорит наш Платон, мать и кормилица всего порожденного, беспорно лучшего».

Однако принятие материи как необходимости, как «матери и кормилицы всего порожденного» (ср. не только у Платона, но и у Дионисия: «как же рождает и питает естество вещь, зла суще?»), служит у Фичино предпосылкой для оправдания материального начала в человеке, ибо человек является целью гуманистической философии Фичино. И для этого привлекает он Дионисия Ареопагита, комментируя тезис Дионисия «Зло в душе не от материи, которая создавала бы зло или притягивала душу». «Те, которые думают, — говорит Фичино, — что материя порождает некое зло

³⁹ Marsilii Ficini florentini, opera omnia. Parisiis, MDCXLL, tomus secundus, стр. 61 (В дальнейшем: Marsilius Ficino).

⁴⁰ Marsilius Ficino, стр. 61.